

21.01.77
С. СТЕВНИЦКИЙ

У КОРЯКОВ НА КАМЧАТКЕ

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА

ДРУЖНЫЕ РЕБЯТА ★ 1931

ВД-ВО „БРЕСТЬЯНСКАЯ ГАЗЕТА“

С. СТЕБНИЦКИЙ

91 (С19) К

С79

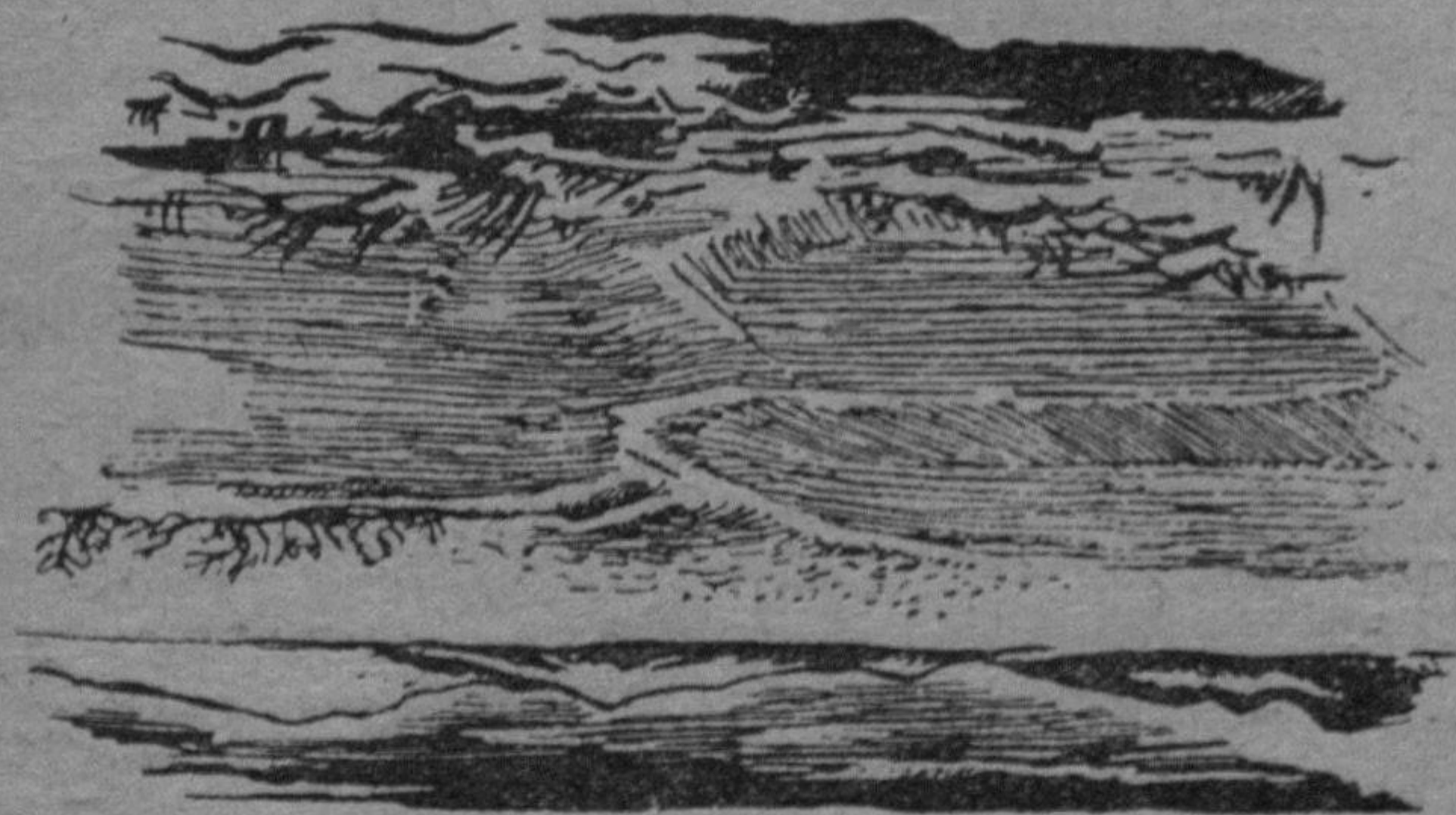
У КОРЯКОВ
НА
КАМЧАТКЕ

Рисунки
А. СТАХЕЕВОЙ

150388.
Камчатская обл. библиотека

МОСКВА 1931

Изд-во Крестьянская газета

У КОРЯКОВ НА КАМЧАТКЕ

ГЛАВА I

Пароход шел медленно, все время гудел. Временами туман рассеивался, и тогда на берегу виднелись крутые голые скалы или ровная серо-желтая тундра. Все ближе, ближе берег. Вот долгий хриплый гудок и — дррр... пароход задрожал, — бросил якорь. Несколько слов команды с капитанского мостика — загрохотали лебедки. Паровой катер на канатах повис над палубой. Лебедки перенесли его за борт, и вот он уже прыгает внизу на зеленых волнах. С другого борта спустили баркас. На баркас нагрузили несколько ящиков с товарами для Кичигинского отделения

Дальгосторга. Грузчики-китайцы быстро, на руках, спустились по трапу, а за ними стал карабкаться и я — единственный пассажир, который слез в Опуке.

Опука — коряцкий поселок, расположившийся на неудобном берегу Берингова моря. Жители его — коряки, туземцы* северной Камчатки. Они занимаются оленеводством, охотой на морского зверя (тюленя, моржа, кита), а также рыболовством. Охотятся коряки и за пушным зверем: лисицей, соболем, росомахой и пр.

Меня послали в Кичигу учителем в коряцкую туземную школу. И вот я на баркасе. Сажу на ящике. Волны заплескивают через борт. Китайцы суетятся, без умолку тараторя, они подгребают длинными тяжелыми

* Туземцы — коренное население.

веслами. Катер, пыхтя, тащит нас на канате. То-и-дело он скрывается за гребнем волны. Мне показывают тюленя, вынырнувшего невдалеке от баркаса. Но я ничего не вижу.

И на берегу, как ни всматриваюсь, тоже ничего не вижу. Только каменная стена скалы. Потом она внезапно обрывается, и опять кочковатая холмистая тундра. А где поселок?

Входим в устье реки. На отмели, как изпод земли, выросли люди — мохнатые, неуклюжие. У одного на голове платок, сам он в кухлянке — толстой рубахе из оленьих шкур, с капюшоном, обшитым мохнатым собачьим мехом; калоши одеты на босу ногу. Другой в затасканной форменной фуражке без козырька, в пиджаке без пуговиц, в мохнатых меховых штанах и в торбасах — обуви из оленьей кожи. Лица широкие, испачканные жиром и копотью. Раскосые черные глаза.

И вокруг этой небольшой кучки людей целые своры кудлатых, остроухих собак. Собаки также внимательно и молчаливо, как их хозяева, смотрят на приближающийся катер. Смирно сидят, наострив уши. Переходят с места на место. А вот две подрались. И тотчас же вокруг них закипела свалка из собак, рябятишек, а затем и взрослых ко-ряков с палками.

Тем временем катер застопорил. Дно бар-каса зашуршало по песку отмели. Китайцы перекинули на берег узкую доску—сходни. Я сошел по ней и тотчас же очутился в тесном кольце людей. От их кожанной одежды шел кисловатый запах. Мою правую руку брали и трясли:

— Амто, приятель! — здоровались со мной. Так я приехал на Камчатку.

ГЛАВА II

Ровная прибрежная полоса, густо поросшая травой. Трава уже пожелтела и полегла от ветра. Дальше бурые холмы тундры, покрытые мягким ковром мха. Редкие кучки колючего лиственного кустарника или ползучего кедра. Еще дальше невысокие горы. Голые каменные вершины, покрытые негом, не успевшим растаять за короткое лето. Небо низкое, хмурое. Гуман. Резкими порывами налетает холодный ветер. Море бурное, ревом набрасывается на пологие берега. Это северная Камчатка в августе. Так она меня встретила.

На самом берегу реки, около устья, как раз в том месте, где спокойная красноватая вода реки смешивается зеленой пенистой водой моря, среди желтой гравии, пернеют несколько земляных холмов. Гравий возле них примят. Валяются разбиты кости, камни, палки, родят собаки. На местах, воткнутых в землю, развешены сети. Большая лодка, шитая из тюленьих шкур, прокинута вверх по течению. Возле нее копошатся две человеческие фигуры в кожаных одеждах. В стороне торчат на длинных сваях несколько маленьких шалашей из травы.

Земляные холмики — это коряцкие жилища; травяные шалаши на сваях — амбары, склады запасов.

Почти над каждой землянкой курится жидкий дымок. Вокруг дымовых отверстий

с трех сторон стоят заслоны, сколоченные из досок или сплетенные из травы, чтобы ветер не задувал дым обратно в землянку.

Но что это шевелится среди заслонов в дыму на верхушке крайней землянки?

Из дымового отверстия высовывается лохматая женская голова. На затылке смешно торчат косички. Женщина щурится от дыма, морщит нос. Вот показались ее плечи, туловище в неуклюжей одежде. И вот уже она стоит во весь рост на крыше своей землянки. За спиной у нее сумка, плетеная из травы. Лямки от нее проходят через лоб. В сумке ребенок. В руках у женщины деревянный крюк-мотыга с каменным наконечником. Очевидно она собиралась в тундру — копать съедобные корни. Но зачем же тогда она влезла на крышу своей землянки, да еще через дымовое отверстие?

Деревьев на тундре нет. Там невозможно построить деревянного дома. За дровами и то приходится за несколько километров ездить на собаках, а летом таскать дрова на себе. Поэтому свои жилища оседлые коряки устраивают так: остов делают из тонких шестов и обкладывают его землей. Дымовое отверстие — единственное сообщение жилища с внешним миром. Оно служит дверью, окном и дымоходом. Посреди землянки укрепляют в наклонном положении толстое бревно, на котором сделаны зарубки — ступени. Такой неудобный вход приходится делать потому, что необходимо беречь тепло. Для того, чтобы дым не застаивался в помещении, с одной стороны землянки делают небольшой

отвод, на конце которого проделано небольшое отверстие. Оно открывается, когда в

землянке горит огонь. Самый отвод служит кладовкой, а дыра в нем делается для

тяги. Таким образом выходит, что коряки живут в большой печке, сделанной из земли.

Увидав меня, женщина присела на корточки и тотчас же нырнула обратно в землянку. На ее место вылез старый коряк, спустился по наклонной стене землянки и, приветливо улыбаясь, пошел мне навстречу.

— Торова, приячель, ходи моя юрта, — сказал он, взяв меня за руку.

Я еще ни разу не бывал в таких необыкновенных домах и конечно не отказался от приглашения. Мы взобрались на землянку и стали над дымовым отверстием. Дым снизу бил прямо в нос. Хозяин любезно приглашал меня спуститься. Но я не знал, как это сделать. Тогда он присел на корточки, обнял руками и ногами торчавший из дымового отверстия конец входного бревна и скользнул по нему, как провалился. Я проделал то же самое. Внизу меня поймали чьи-то руки, потащили и усадили на ворох оленьих шкур. Минуты две я ничего не видел в полутемноте и лишь протира́л глаза от дыма. А когда огляделся — у моих ног уже лежала широкая обеденная доска. Хозяин сидел рядом. Хозяйка, стоя на коленях, доставала из ветхого ящичка блюда, перетирала их пучком мха и ставила на доску. Чашки считаются неудобной посудой. Из них пьют только тогда, когда нехватает блюдца. Потом она достала

из того же ящичка кусок кирпичного чая, настрогала его прямо в чайник и стала разливать густо заваренный чай по блюдам. Краснощекая девушка, очевидно хозяйская дочь, принесла деревянное корытце, полное вареного тюленьего мяса, положила по большому куску возле каждого блюда. Землянка заволоклась паром. Сверху один за другим стали спускаться гости. Рассаживались на шкурах, которыми были устланы спальные места с трех сторон вдоль стен землянки. Очаг помещался почти под самым входным бревном, напротив кладового помещения. Собаки, почуяв запах еды, заглядывали в дымовое отверстие. С их высунутых языков капала слюна, едва не попадая к нам в чай. Чаепитие было оживленное. Громкое хлюпанье втягиваемого чая слышалось отовсюду. Звонко кракал сахар на крепких зубах. То и дело чья-нибудь шутка вызывала дружный смех. Хозяйская дочь уже в третий раз вылезала наверх наполнять чайники. Меня удивляла легкость, с которой она это проделывала. Ей ничего не стоило спуститься по бревну с двумя полными чайниками в руках.

А хозяйка знай наполняла блюда. Никто не отказывался. Стало жарко. Гости поснимали свои теплые рубахи из шкур и сидели полуголые, в одних штанах. Пот струйками стекал по их смуглым мускулистым телам.

— Эо! эо! — закричали снаружи. Кто-то звал звонким голосом. Все встали словно по команде. Надели свои меховые рубахи, подпоясались и стали выходить, быстро и ловко взбираясь по бревну. Хозяин тоже встал и вытащил откуда-то из-под шкур копье со странным железным наконечником и длинный ремень, смотанный кольцом. Я спросил, в чем дело.

— Нерпа промышляй море ходи, — объяснил мне старик. Я понял, что они отправляются на тюлений промысел. Вслед за хозяином я кое-как собственными силами вскарабкался по бревну и вылез наружу.

Кожаная байдара стояла у самого прибоя, готовая к спуску в море. Посреди поселка чего-то ждали несколько человек. Трое из них были с ружьями. Все они были одеты в узкие штаны и рубахи из тюленьих шкур. Я понял, что это охотники. К ним подошел высокий горбоносый коряк Эгги. Не останавливаясь, он сказал — «ток!» — и направился к байдаре. Охотники пошли вслед за ним, подошли к байдаре, подняли ее на плечи, вошли по колено в воду, поставили легкую байдару на воду и тотчас же все вскочили в нее. Расселись по местам — шестеро гребцов, трое с ружьями на носу. Я подошел к длинному Эгги, потыкал пальцем себя в грудь и показал на байдару. Не говоря ни

Слова, он подхватил меня сильными руками и передал, как мешок, одному из гребцов. Потом он с силой оттолкнул байдару, ловким прыжком перекинул ноги через корму и стал во весь рост. с рулевым веслом в руках. Я уселся у его ног. Гребцы взмахнули веслами, и байдара легко пошла по волнам.

Высокий, смуглый, усатый Эгги стоит крепко и прямо. Черными раскосыми глазами зорко оглядывает морской простор, время от времени поворачивая рулевое весло. Байдара, поскрипывая, прыгает по волнам. Нос у байдары широкий, полукруглый, корма тоже полукруглая, но поуже. Вода приливает шкуры к переплету остова и кажется вот-вот прорвет их, хлынет в дыру и потопит судно. Переходя с места на место, охотники следят за тем, чтобы не оступиться. Байдара накрывается почти вровень с водой, но это их не страшит нисколько. Хотя никто из них не умеет плавать.

Старший из стрелков сказал что-то, указывая направо. Эгги покачал головой и кивнул головой на островок, видневшийся далеко в море. Замолчали. Широкими взмахами всех враз гребцы бесшумно, с силой работают веслами. Байдара легко шла по волнам. Вдруг всплеснуло невдалеке за кормой. Эгги оглянулся, кивнул гребцам, одним движением круто повернул байдару носом назад.

Байдара остановилась. Охотники замерли в ожидании.

— Вот маленький черный бугорок показался из-за гребня волны и тотчас же скрылся. Волна схлынула. Блестящая тюленья голова торчала над водой. Тюлень жадно втягивал носом воздух. Маленькие черные глазки испуганно расширились, заметив байдару.

— Трек-трек-трек, — протрещали три торпливых выстрела. Две пули попали. Белое с зеленоватыми крапинками брюхо тюленя медленно всплыло над водой.

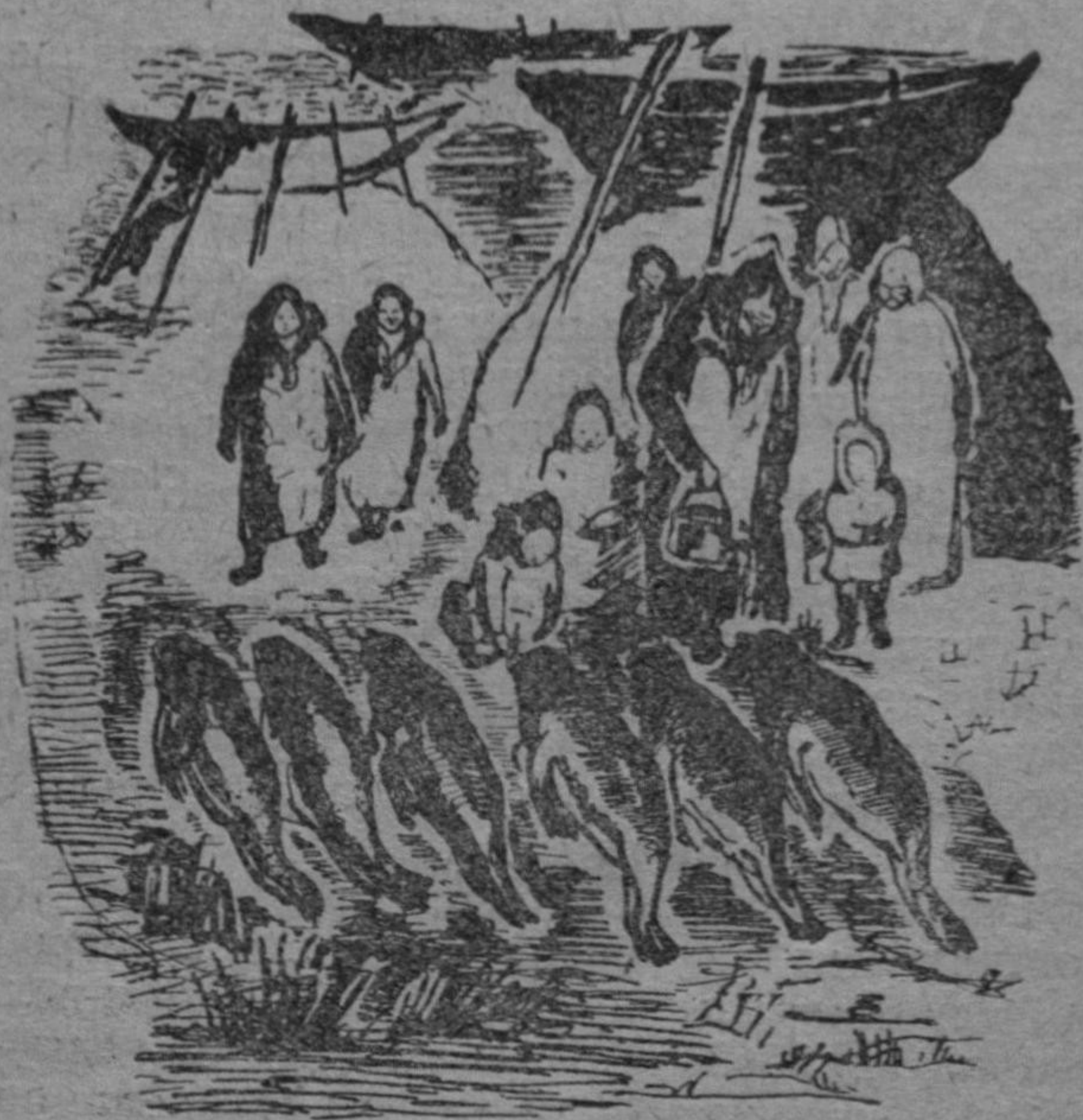
— Ток! — сказал Эгги, и шесть весел, ждавших команды, как крылья, подхватили послушную байдару. В руках у стрелков уже торчали наготове длинные багры. И еще не успела остановиться байдара, как острые крюки разом впились в начавшую тонуть тушу тюленя.

Охотники втащили ее в байдару и бросили на дно под ноги гребцам.

Эгги опять сделал знак гребцам, и мы двинулись дальше по направлению к островку. Оглядываясь по сторонам, я то-и-дело замечал тюленей, высывавшихся из воды — набрать воздуха. Если тюленья голова показывалась не слишком далеко, Эгги направлял байдару на то место, где она скрылась. Байдара останавливалась. Молча и неподвижно мы ждали некоторое время, и дей-

ствительно тюлень вскоре показывался где-нибудь поблизости.

Быстрый увертливый тюлень, высывающий нал беспокойными волнами иногда

только кончик носа, — мишень очень неверная. Однако мы были еще далеко от намеченного островка, а в байдаре у нас лежало уже три тюленьих туши.

Четвертого убитого тюленя охотники решили не втаскивать в байдару. Эгги взял копье, которое я видел у старика-хозяина, прикрепил к наконечнику копья конец замotanного ремня, привязал ремень к дрерку, воткнул копье в еще живого тюленя. Тюлень моментально стал тонуть, увлекая за собой копье. Пропала добыча!

Однако нет. Древко копья всплыло на поверхность возле самой байдары. Вот оно поплыло в сторону, повернуло направо, потом опять обратно. Охотники подгребли к нему. Эгги вытащил его из воды. Ремень от копья уходил в воду. Эгги отвязал конец ремня от древка копья и привязал к краю кормы. Потом охотники посовещались между собой, повернули байдару и поплыли назад к поселку. Убитый тюлень тащился за байдарой на ремне. Наконечник копья застрял у него в теле.

Весь поселок высыпал на берег встречать охотников. Байдару вытащили на отмель. Женщины подхватили тюленьи туши и понесли их на середину поселка. Ребятишки с пучками морской* травы в руках, крича и прыгая, бежали по сторонам. Они то-и-дело подбегали и обмахивали травой убитых тюленей. На площадке посреди поселка тюленей

* Трава, растущая на морском берегу.

положили в ряд. Из землянки вышла старуха с чайником в руках и, переходя от туши к туше, стала наливать на нос каждому тюленю по несколько капель воды. Вслед за ней шла женщина и втыкала в рот каждого тюленя по небольшому пучку травы.

Убитый на охоте зверь у коряков встречается, как дорогой гость. Его первым делом угощают, а затем приглашают раздеться, т.-е. снимают шкуру. Четыре женщины с большими ножами уже наклонились над тюленьими тушами. Быстрыми, ловкими движениями они принялись за привычное дело. Затем на ровные куски стали разрезать мясо. Добытое на морской охоте делится поровну между всеми семьями поселка. Даже случайно зашедшие гости получают равную долю, и только шкура достается охотнику, убившему зверя. Мне тоже предложили кусок тюленины. И я не отказался. Тюленье мясо, хотя и припахивает рыбой, но мягкое и довольно приятное на вкус.